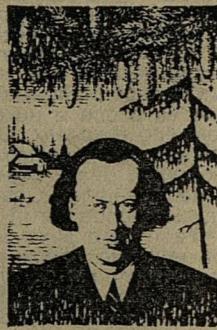

Иван ЕВДОКИМОВ

ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ

В десять часов утра 23-го декабря я пришел на службу. Секретарь отдела сказал:

— Здесь с девяти часов Есенин. Пьяный. Он уезжал в Ленинград. Пришел за деньгами. Дожидался вас.

Столь необычно раннее появление Есенина он всегда появлялся во второй половине дня, уже встреможило.

— Он выпивши или пьян? — спросил я.

— Пьяный. Вот сейчас только вышел. Должен был встретиться с вами в коридоре. Он ушел вниз и будет сидеть у кассы.

Не скрою: мне было нехорошо. Я не любил визитов Есенина в таком состоянии, тяготился ими, всегда стремился выпроваживать его из отдела. Когда он умер, я корил себя, мне было жалко, что я это делал, но, к несчастью, это было непроправимо.

В тревоге и ожидании я сел на диванчик. Скорее в глубине длинного госиздатского коридора показался Есенин. Пальто было нараспашку, брововая шапка высоко сдвинута на лоб, на шее густой черный шелк шарф с красными маками на концах, веселые глаза, улыбка, качающаяся грациозная походка. Он был полулыжником. Поздоровался. И сразу Есенин, садясь рядом и закуривая, заговорил.

— Евдокимыч, я вышел из клиники. Еду в Ленинград. Совсем, совсем еду туда. Надоело мне тут. Мешают мне. Я развелся с Соней с Софьей Андреевной. Поздно, поздно, Евдокимыч! Надо было раньше. А Катя вышла замуж за Наседкина. Ты как смотришь на это?

И Есенин близко наклонился ко мне.

— Что же, — ответил я, — это твое личное дело Тебе лучше знать. Я не знаю.

— Да, да, — схватил он меня за руку.

— Это мое дело. К черту! И лечиться не хочу! Они меня там лечат, а мне наплевать! Скучно! Скучно мне, Евдокимыч!

Веселое, приподнятое и бесшабашное настроение прошло у Есенина. Не уверен твердо, боясь, что последующие события обострили во мне это впечатление, но мне кажется, он тогда печально и безнадежно как-то взгляделся в меня. Я отнесся легко к этой фразе, приписывая ее случайному душевному состоянию и даже отшутился.

— Не тебе одному скучно! Всем скучно.

— Скучно, скучно мне! — продолжал восклицать Есенин, недовольно мотая головой и глядя в пол. — Да, да, — вдруг опять он заговорил, — ты получил письмо?

— Нет.

— Ах! Я же ей, Катя, дал снести там стихи в «Собрание». Что же она несет! Ей скажу! Она принесет Евдокимыч, я еду в Ленинград, мне надо денег.

— Деньги выписаны, Сережа, — сказал я.

Есенин лукаво и недоверчиво улыбнулся, чуточку выжал, хитро взглянул на меня и растерянно, вполголоса, выговорил.

— Я спрашивал в кассе говорят — нет ордера. Ты забыл спустить в кассу?

И опять улыбка ожидающая и недоверчивая. Я тоже усмехнулся на его недоверие, а главное — на хорошо наложенную машину в финчатах там уже без моего предупреждения, а я не ожидал в этот день прихода самого поэта за деньгами, ему отказался. Ордер же был давно спущен.

— Ты, Евдокимыч, выпиши сейчас, — просил Есенин. — Нельзя ли выписать сейчас?

— Зачем же? — отвечал я. — Ордер там. Это ошибка. Я тебя не буду обманывать. Вот удостоверься!

— Не надо, не надо! — закричал Есенин. — Я тебе верю!

Но я уже вошел в комнату, взял ордерную книжку и показал ему корешок: ордер был выписан 15 декабря. До этого дня Есенин был два раза: около половины декабря и 21-го, но так как состояние его было в первый раз подозрительным, а 21-го невменяемым деньги ему не выдали тогда.

Есенин успокоился и просветел.

— Видимо, много тебе, Сережа, обманули.

Окончание. Начало см. №47 от 25.11.94.

и №49 от 9.12.94.

навали, — серьезно говорю я, — и ты перестал верить, когда тебя не обманывают?

— Нет, нет, я тебе верю, — заторопился с ответом Есенин. — Значит... мне выдадут?

— Конечно. Но ты очень рано пришел. Деньги же выдаются в два часа дня. Ты бы куда-нибудь сходил.

Поэт задумался и спохватился, сдвигая на глаза шапку:

— Верно. Мне надо сходить к Воронскому проститься. Люблю Воронского. И он меня любит. Я пойду в «Красную Неву». Там мне тоже надо получить деньги. Раньше, понимаешь, Евдокимыч, у тебя нельзя получить?

— Я с удовольствием бы, Сережа, но это от меня не зависит. Раз денег нет в кассе, что же делать?

— Ну хорошо. Я подожду.

Была в Есенине редкая в литературных кругах уступчивость в денежных делах. Современный писатель чаще всего неотвязно настойчив в получении гонорара, криклив, жалок. Тяжелое матери-

го народу. Ты мне поскорее высыпай корректуры.

— Как только приду из типографии, в тот же день и направлю тебе. Ты внимательно погляди на даты. Помнишь, ты в некоторых сомневался?

— Я... я все сделаю. Вот Катя не принесла тебе письма, я там послал семь новых стихотворений: «Стихи о которой». Не поздно их будет в первый том, в самый конец?

— Нет, но надо скорее. Пока гранки, вставить можно. Ты будешь читать корректуру, вместе с ней и вышли эти стихи.

— Хорошо. Я пришлю. Стихи, кажется, неплохие. Я в клинике написал.

— А как твоя поэма «Пармен Крямин»?

При распределении стихотворений по томам для издания Есенин обещал доставить поэму «Пармен Крямин», в которой по его тогдашним предположениям должно было быть 500 строк. Я о ней и напомнил теперь.

— Я ее вышилю, только дам другое заглавие. Пармен, пожалуй, нехорошо. В Ленинграде я допишу ее. Она не готова.

— Тебя, кажется, хорошо знает Касаткин? — спросил я. — Вот бы кому написать.

Настроение Есенина было чрезвычайно неустойчивое: от мрачности он быстро переходил в самое благодушное состояние.

— Да, Касаткин, — весь заулыбался он нежнейшим вниманием к этому имени. — Да, да. Люблю его. Ты не знаешь, какой это парень... дядя Ваня... Мы с ним давно-о... давно-о! Давнишний мой друг! Черт с ней, с биографией. Обо мне напишут, напиши-шут!

В это время я обратил внимание на его полупьяное, но очень свежее лицо и, помню, ясно подумал о том, что он правился в клинике.

Есенин заметил мой взгляд и, улыбаясь, сказал:

— Тебе нравится мой шарф?

Он подкинул его на ладони, оттянул вперед и еще раз подкинул.

— Да, — говорю, — очень красивый у тебя шарф!

Действительно, шарф очень шел к не-

сил, — взглянув на него, сказал я, — клиника здорово тебе помогла. Посидел бы еще с месяц, окреп бы совсем для работы. Лицо у тебя стало свежее, спокойное.

Помню, он внимательно всмотрелся в меня и, будто завидуя и будто спрашивая у меня, сказал:

— Мне бы твоё здоровье, Евдокимыч!

Я засмеялся.

— Это видимость одна, Сережа. У меня целая коллекция болезней. Вид — обманчив.

— Ну да! — недоверчиво протянул Есенин. — А, может быть! Я ничего не говорю! Может быть!

В это время вышел из отдела Тарасов-Родионов³. Меня кто-то вызвал по телефону. Я ушел в комнату. Пока я разговаривал по телефону, я слышал, Есенин что-то кричал с Тарасовым-Родионовым. Потом они ушли. Я сел за свою обычную работу.

В течение дня Есенин несколько раз заглядывал в комнату, повторяя о своем ленинградском адресе и уходил. Потом около часу дня пришел в отдел двоюродный его брат Илья и сказал:

— Денег не выдают.

Я спустился по лестнице в кассу. В прихожей финсектора поэт сидел на лавочке у окна среди шоферов и ожидающей денег публики. Есенин пьяно моргал и что-то шептал губами. Его разглядывали. Он поднял глаза, заметил меня, замахал рукой, трудно поднялся, и мы встретились.

— Евдокимыч, денег не привезли! Я с утра сижу. Мне надоело! Понимаешь, надо-о-е-л-ло!

В голосе его было раздражение. Сделать, однако, я ничего не мог: банк обещал выдать деньги только около двух часов дня.

Изредка я наведывался в кассу: Есенин неотлучно сидел на лавочке. Наконец в четвертом часу дня деньги привезли, но в незначительном количестве, выдавали по мелочам. Единственный раз мне почему-то хотелось выдать Есенину деньги, а не чек, но пришлось выискивать опять чек. У кассы стояла очередь. Я спустился к кассе, отыскивая Есенина. Он держал в руках чек, застегивался и серьезно говорил:

— Евдокимыч, денег нет. Вот дали бумагу. Ну, ладно! Билет у меня есть. Я уеду. Завтра Илья получит в банке и переведет мне. Спасибо. Я обойдусь.

Около него стоял застенчивый огромный Илья, тревожно не сводивший с него глаз. Этот замечательный парень, наблюдал я всегда, относился к поэту с редчайшей привязанностью и любовью. Достаточно было мельком поглядеть на его большие глаза, горячо устремленные на поэта, чтобы это почувствовать. И всегда это чувствовал. Он любил крепко и носил «фонари» под глазами от пьяной братской руки.

В очереди у кассы в толпе были писатели: Пильяк, Герасимов, Кириллов.

— Ну, прошайте! — пошатался Есенин с серьезным и сосредоточенным видом.

Он обнял попеременно Пильяка, Герасимова, меня, расцеловалась... Я шутливо толкнул его в спину «для пути».

— Жди письма, — сказал уходя Есенин и, свесив голову на грудь, заковылял к выходу пьяными нетвердыми шагами.

Было грустно, не по себе, на душу было нехорошо. Конечно, никто не предполагал, что уже никогда не услышит этого с хрипотой голоса, не увидит пошатывающейся дорогой фигуры, носившей в себе редчайший дар и необъяснимое личное очарование.

Лучше бы, лучше бы ходил он среди нас всегда пьяный, крикливый, неприятный, но только ходил!

Письмо из Ленинграда не успело прийти: точный адрес был не нужен.

Январь — февраль 1926 г.

1 Письмо доставлено мне Е.А. Есениной только в конце апреля 1926 года. «Стихи о которой» перезаны не были, почему и не вошли в первый том «Собрания», как того хотел поэт. Написано оно на листке из блокнота карандашом. Если не ошибаюсь, это, кажется, последнее посмешное письмо, написанное С.А. Есениным. Несмотря на некоторую шутливую интимность письма, считаю необходимым привести его полностью.

2 Михаил Евдокимыч! Привет тебе и тысячу пожеланий за все твои благодеяния ко мне. Дорогой мой! Так как жизнь моя немного перестроилась, то я прошу тебя, пожалуйста, большие никому денег не выдавать, ни Илье, ни Соне, кроме моей сестры Екатерины. Было бы очень хорошо, если бы ты устроил эту тысячу между 7—10 док., как ты говорил. Живу ничего. Лечусь вовсю. Скучно только дьявольски; но терплю, потому что чувствую, что лечиться надо, иначе мне не спеть, как в своем «Сверка». «Пил бы да ел бы, спал бы да гулял бы». На даче пришли тебе пирожки «Стихи о которой». Если не лень, черкни пару слов с Екатериной. Я ведь теперь не знаю, чем пахнет жизнь. Жму руку.

Твой С. Есенин, 6/XI 1925.

2 Айседору Дункан он всегда называл Из-дорой.

3 Автор книг «Шоколад» и «Линев».

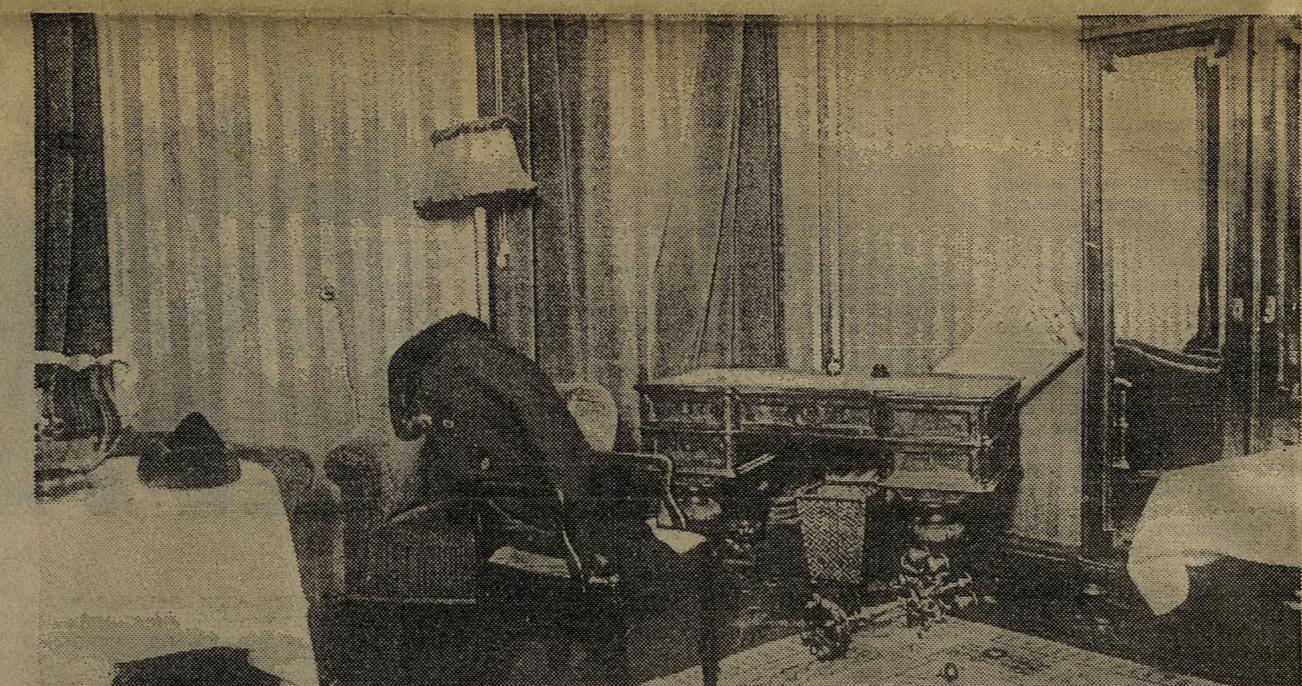
«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ». 23.12.94. №51(1663)

Сергей ЕСЕНИН. Последняя фотография. 1925 г.

Фото Михаила САХАРОВА

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Номер гостиницы «Англетер», в котором обворовалась жизнь Поэта. 28 декабря 1925 г.

Тут мне мешают Напишу четыре строчки, кто-нибудь придет В Ленинград я совсем, навсегда

— Даты не позабудь

— Нет, нет! И даты — все простилю Раз «Собрание» — надо по-настоящему сделать Я помню все стихи. Мне надо оставить одному. Я припомню. А денег никому, кроме меня, не давай...

— Будем высыпать тебе в Ленинград.

— Надо бы биографию в первый том, — обеспокоенно сказал Есенин. — Всё, ты к черту, что я там сам написал! Думаю, что черта эта у Есенина была органической, а не правильным психологическим расчетом. Поступил так и я на этот раз. Попытка оказалась неудачной: в кассе были гроши.

— Поступил руки и сел рядом.

— Ты мне корректуры вышли в Ленинград, — погрустнев, сказал Есенин. — Ты говорил, стих